

УДК 811.161.1'374(091)
ББК Ш141.12-003

ГСНТИ 16.21.47

Код ВАК 10.02.01

С. Г. Шейдаева

Ижевск, Россия

Из истории русских слов: *просека, пасека, засека*

Аннотация. В центре внимания в данной статье находятся существительные *просека, пасека и засека*. Это отглагольные производные одного словообразовательного гнезда с общим семантическим компонентом «сечь» (рубить). Происхождение этих слов и история их использования в памятниках русской письменности XVI–XVII вв. стали основным предметом исследования автора. Производный характер данных существительных обусловил обращение к семантическим особенностям исходного глагола *сечь* и всего ряда образованных от него префиксальных глаголов — *просечь, отсечь, пересечь, засечь* и др., а также соотношенных с ними имен. Контексты, в которых используются единицы данного словообразовательного гнезда, — военный и хозяйственно-бытовой. Изначально глагол *сечь* был связан с обозначением действия воина на поле боя. При переносе номинаций из военной сферы в мирную жизнь глаголы *просечь, засечь* и др. стали соотноситься с иными действиями, цель которых не столько разрушение, сколько созидание.

Ключевые слова: история русского языка; русский язык; лексикология русского языка; отглагольные имена; лексемы; история слов; просеки; пасеки; засеки; производные слова; памятники письменности.

S. G. Sheydayeva

Izhevsk, Russia

Secrets of Simple Russian Words: *Proseka, Paseka, Zaseka*

Abstract. This article focuses on the following nouns: *proseka* (a cut-through), *paseka* (an apiary) and *zaseka* (an abatis). These are verbal derivatives of one family of words with the common semantic component *sech'* (cut, cut down). The origin of these words and the history of their use in the ancient Russian manuscripts of the 16th–17th centuries have become the main object of this research. The derivative nature of these nouns has brought about the need to study the semantic peculiarities of the original verb *sech'* (cut, cut down) and a number of prefixal verbs formed from it: *prosech'* (to cut through), *otsech'* (to cut off), *peresech'* (to cut short, to stop), *zasech'* (to make an abatis), etc., as well as the nouns associated with them. The units of this family of words are used in the military and household contexts. Initially, the verb *sech'* (to cut) was associated with nomination of the warrior's action on the battlefield. As a result of transfer of nominations from the military sphere to peaceful life, the verbs *prosech'* (to cut through), *zasech'* (to make an abatis), and the like began to be correlated with other actions, the purpose of which is not destruction as much as creation.

Keywords: history of the Russian language; Russian; Russian lexicology; verbal nouns; lexemes; word origin; *proseki*; *paseki*; *zaseki*; derived words; ancient manuscripts.

В основе слов *просека, пасека и засека* лежит один удивительный глагол — *сечь*. В современном русском языке он обозначает, в основном, неприятные и разрушительные действия — «бить в наказание (путьями, ремнем)», «рубить на части» и т. п. Но в истории русского языка глагол *сечи (сѣкти)* явился началом многочисленных слов разных частей речи, давших в свою очередь разветвленные ряды наименований предметов, процессов, признаков.

Производность некоторых из этих названий еще довольно ясно осознается носителями современного русского языка. Так, наверно, любой скажет, что существительное *просека* образовано от глагола *просекать*. Здесь словообразовательные связи остались прозрачными, поскольку исходный глагол до сих пор используется в своем основном значении «прорубать» и сама *просека* практически не изменилась: и в наше время, и в прошлом это узкая полоса земли в лесу, очищенная от деревьев. Глагол *просечи (просекати)* в XVII в. означал «проложить рубкой (о дороге)» [Словарь... 1975], например: «Возле той засеки просечена сквозь весь Тепленской большой лес проезжая дорога» [Словарь... 1975, вып. 20], «через болота и речки на село на Ступино многие работные люди просекали вновь широкую дорогу и мостили через болота и речки многие мосты и гати» [Словарь... 1975, вып. 20].

Итак, *просека* < *просекать* «прорубать» < *сечь* «рубить». Первоначально отглагольное существительное *просека* (с ударением на корне *-сек-*) имело,

прежде всего, значение отвлеченного действия, буквально — «просекание». Следующая ступень его семантического развития — значение места действия. Ю. Д. Апресян, описывая модель такого изменения лексического значения, приводит факты типа «вырубка леса» — «на вырубке», «срез дерна» — «на срезе» [Апресян 1995: 199]. Такие же связи имеются у устаревшего слова *просека* (действие по просеканию леса) и современного *просека* (место, оставшееся после такого «просекания»).

Существительное *пасека* по своему происхождению уже непонятно даже многим пчеловодам-любителям. Оно утратило внутреннюю форму, то есть связь с признаком объекта, взятым за основу наименования. Внутренняя форма слова «выступает как связующее звено между предметом и его обозначением в речи, между ситуацией и высказыванием» [Гак 1998: 144, 204]. В то же время сама *пасека* с древних времен функционально не изменилась: в XVII в. этим словом называлось «вырубленное место в лесу, где стоят ульи; пчельник вне двора» [Словарь... 1975, вып. 14] и в наши дни — «пчеловодческое хозяйство, место, где расположены ульи» [Лопатин 2000].

Причина утраты живых, осознаваемых связей существительного *пасека* со словообразовательным гнездом «сечь», кроется, прежде всего, в устаревшей приставке *на*, многие русские слова с которой восходят еще к общеславянской эпохе [Фасмер 2009]. «Словообразовательной активности в литературной разновидности русского языка префикс *на-*, видимо,

никогда не проявлял, поскольку в ней большинство слов такого типа — общеславянского, древнерусского или диалектного происхождения» [Федорова 1981: 81]. Каким было значение этой приставки? В отглагольных именах типа *пасека, память, пагуба, потоки, падера*, она, по-видимому, «не выражала другого оттенка значения по сравнению с глагольной приставкой по-» — пишет В. В. Федорова в статье «Судьба именной приставки *па-* в русском языке», сравнивая такие пары, как *память* и *помнить*, *пагуба* и *погубить* [Федорова 1981: 83].

Если это действительно так, то у существительного *пасека* была связь с глаголом *посека*ти, имевшим значение «срубить, рубить (дерево и т. п.)» [Словарь... 1975, вып. 17]. Например, в «Остромировом евангелии» читаем: «Всяко древо, еже не творить плода добра, посекають и въ огонь въметають». М. Фасмер объясняет слово *пасека* из *ра-* и **seka* от *секу* [Фасмер 2009].

Одним из первоначальных значений слова *пасека* было, возможно, значение «вырубка», то есть «место в лесу, где вырубали деревья». В текстах XVII в. фиксируется также существительное *посека* в том же значении [Словарь... 1975, вып. 17]. В. И. Даль отмечает, что «пасеку устраивали встарь на лесной рощице»; он же приводит слово *посека* — «где лес рубится зимой» (новг., пск.), а также диалектное *пасека* в значении «просека» [Даль 1991–1993]. В связи с этим можно утверждать, что использование *пасеки-вырубки* как места в лесу для разведения пчел было вторичным. Это отражено, например, в сочетании *пчелиная пасека*: «пчелиные пасеки ульев по 500 и больше» (1653) [Словарь... 1975, вып. 14]. Уточнение именем прилагательным бывает необходимо для отражения специфического признака предмета. Составные номинативные единицы «обладают большими дифференцирующими возможностями, чем однословные (сравн. человек и снежный человек, медведь и белый медведь)» [Шейдаева 2007: 12].

Слово *пасека* в значении «пчельник» — это результат вторичной метонимической номинации: «место после сечи, рубка» > «ульи, находящиеся на вырубке». В. В. Колесов пишет о средневековом метонимическом мышлении, когда «всё поверялось подобием смежного, сродного или как часть и целое», метонимия распространяла «уже известное на всё новые и новые объекты», например слово *гнездо* обозначало и «вместилище», и «вместимое», а «перенос значений по функции» был особенно распространен [Колесов 2004: 11, 43, 139, 490].

Прилагательное *пасечный* использовалось, в частности, в сочетании *пасечные угоды* [Словарь... 1975, вып. 14] и явилось в свою очередь производящим для слова *пасечник* — работник на пасеке, например: «Велел... пасечникам пчелу во мшенику поставить» (1676) [Словарь... 1975, вып. 14].

Существительное *засека* можно отнести к лексическим историзмам, так как это слово известно современным носителям русского языка лишь по историческим источникам и словарям: так называлось «оборонительное сооружение из поваленных деревьев (для затруднения прохода)» [Словарь... 1975, вып. 5]. Почему этот вид преграды устойчиво

именовался «засека», а, скажем, не «завал»? Сравним: «Тот бы лесной заваль луги всех крепостей» (1659) [Словарь... 1975, вып. 5: 142].

Ответ можем найти в описаниях устройства *засеки* в мемуарах потомков Л. Н. Толстого и в его биографии, написанной В. Шкловским: «Когда-то Ясная Поляна была одним из сторожевых пунктов, охранявших Тулу от нашествия татар. Когда надвигались их конные полчища, лес «засекали», то есть рубили и клали макушками навстречу врагу. Это образовывало непроходимую чащу, через которую никакая конница пробраться не могла. На перемычках, где леса не было, выкапывали огромные рвы и насыпали валы» [Толстой 1969: 27]. «Рубили деревья, оставляя пни выше человеческого роста; дерево недорубляли, оно падало, сгибая оставленный кусок древесины, ложилось на землю извилами сучьев. Одно дерево сваливали так, чтобы легло на юг, другое — на север, третье — на восток, четвертое — на запад. Подрубив, как бы пригибали деревья: они оставались полуживыми, сквозь них прорастали орешник, ежевика, малина и молодые деревья — зеленая путаница ветвей прошивалась хворостом. Этот завал звали *засекой*» [Шкловский 1963: 13].

Итак, для сооружения *засеки* деревья в лесу *засекали*, то есть надрубали с одной стороны на уровне не ниже человеческого роста, чтобы они заваливались, образуя преграду. Сама работа называлась *засечным делом* [Акты 1977: 15; Копанев 1984: 195]. От XVII в. осталось немало документов, отражающих прямой приказ *засеки поделать* или *учинить*, например: «Худые места велеть на засеках поделать, засечь и завалить лесом» [Словарь... 1975, вып. 5: 143], «И по приметным местомъ въ лесовыхъ и в крепкихъ местахъ засеки учинить и людей поставить» [Словарь... 1975, вып. 8: 213]. При освоении Урала и Сибири вокруг рудных месторождений также устраивались *засеки* от «лихих людей», чтобы «засечь дорогу накрепко» [Курлаев 2005: 45]. Делали *засеки* и для защиты от набегов крымских ханов в XV–XVII вв. — в виде полосы поваленных деревьев, глубоких рвов и валов, надолб и острогов [Перхавко 2002: 453].

Таким образом, *засеку* можно было *засечь, поделать* или *учинить*; *засекой* можно было *засечься, укрепиться*, например: «Велелъ я, холопъ твой, въ лесныхъ местехъ по дорогамъ и по переправамъ засечь засеки» (1667) [Словарь... 1975, вып. 5: 295], «Ярославъ... ста подь лесы своими засекась от Всеволода» [Словарь... 1975, вып. 5]. Для обозначения устройства таких преград сразу во многих местах применялось выражение *позасеки засеки*, например: «И в Вологодскомъ уезде по многимъ дорогамъ засеки позасекали и людей по засекамъ поставили» (1609) [Словарь... 1975, вып. 16: 110].

Использовались словосочетания *засечная черта, засечный лес, засечный острог, засечный сторож, засечный голова, засечные книги* и др. Например: «...в засечной черте лес секут и сено косят.. и впредь де похваляютца засечной острог разорить и сламать», «А в засечныхъ и в иныя заповедныхъ леса, имъ нипочто не ездити» [Словарь... 1975]. Человек, несший службу на засеке, назывался *засечником* [Словарь... 1975, вып. 5], *засечким* или *засечным*

приказчиком, например: «Третьячко Есипов снъ Остерцов в засечных приказшиках» (1578) [Памятники... 1978: 73]. Эти наименования лиц легли в основу фамилий *Засекин* и *Засецкий*. Приведем некоторые исторические факты: сержант Преображенского полка Александр Засекин [Русско-китайские... 1978], посадский человек Малого Ярославца Иван Засекин [Памятники... 1982], соликамский воевода Засекин [Заозерская 1970: 302], были известны русские княжеские роды Засекиных и др.; писец Засецкий [Словарь... 1975, вып. 14: 297], майор Засецкий [Русско-китайские... 1978], Дмитрий Засецкий, мешенин (< Мещевск) [Памятники... 1990], землевладелец Углицкого уезда Михаил Иванович Засецкий [Акты 1917: 133] и др.

Итак, существительные *просека*, *пасека* и *засека* — это отглагольные производные из одного словообразовательного гнезда, члены которого объединены общим семантическим компонентом «сечь» (рубить). Сам глагол *сечь*, находящийся на вершине этого гнезда, имел целый веер метонимически связанных между собой значений, в частности, и рассматриваемые здесь значения «расчищать путем рубки лесные угодья, заросли под пашню или покос» и «делать засеку, завал из срубленных деревьев» [Словарь... 1975, вып. 24]. Например: «лес велел сечи» (XV в.) [Словарь... 1975, вып. 16: 55], «засеки не секуть» (XVI в.) [Словарь... 1975, вып. 14: 26].

В древнерусский и старорусский периоды глагол *сечь* характеризовался семантической нерасчлененностью, обозначая не только действие «рубить», но также «срубить», «разрубить», «прорубить», «вырубить», «подрубить» и др. Недифференцированность значений непроизводных глаголов — это частый случай в русском языке. Сравним, к примеру, глагол *идти*, который «может служить для обозначения движения как по направлению к говорящему (или вообще «сюда»), так и от него («отсюда») [Шмелев 1964: 79].

Постепенно в процессе исторического развития русского языка для выражения разных значений глагола *сечь* стали использоваться префиксальные производные *высечь*, *засечь*, *иссечь*, *насечь*, *обсечь*, *осечь*, *отсечь*, *пересечь*, *подсечь*, *посечь*, *рассечь*, *ссечь*, *усечь* и др. В свою очередь, данные глаголы породили целый ряд имен: *засек*, *засека*, *насека*, *осек*, *отсек*, *отсека*, *пересек*, *пересека*, *подсек*, *подсека*, *посек*, *посека*, *просек*, *просека* и др. «Параллельные однокоренные образования с нулевым суффиксом как мужского, так и женского рода от глаголов физического действия сохраняют регулярность в XV–XVII вв.» — пишет Ю. С. Азарх [Азарх 1984: 57], анализируя пары *завес* / *завеса*, *оковъ* / *окова*, *протокъ* / *протока* и др.

Рассмотрим некоторые факты из истории языка, связанные с названными отглагольными существительными и мотивировавшими их глаголами.

Глагол *осечи* означал «обрубить, отрубить», а также «устроить осек» [Словарь... 1975, вып. 13], он как бы *двунаправлен*: с одной стороны, называет действие по обрубке дерева, а с другой — действие по использованию обрубок для сооружения преграды. *Осек* — это «военное укрепление в лесу,

устроенное из срубленных и наваленных одно на другое деревьев; засека», а также «изгородь из надрубленных и поваленных деревьев, окружающая участок земли в лесу; участок, огороженный этой изгородью» [Словарь... 1975, вып. 13]. Например: «осекъ осекоша и колье набиша и сташа съ воинством своимъ на горе» (XIII в.) [Словарь... 1975, вып. 13], «По старому межнику поставлен осекъ» (XVI в.) [Словарь... 1975, вып. 13].

Само слово *осек*, помимо значения «изгородь, преграда» как результат *осекания* деревьев, развило и значение «место внутри этой изгороди». Например: «осекъ во лесе полнь люди и товара» [Словарь... 1975, вып. 13]. Это также проявление метонимии, то есть переноса по смежности понятий, представлений. *Системность* и *регулярность* метонимических переносов в русском языке отмечают многие исследователи [Шмелев 1969; Апресян 1995; Колесов 2004: 40], а модель «действие > место действия» — это одна из семантических универсалий. Слова *осек* и *засека*, судя по лексикографическим данным, изначально были названиями военных (оборонительных) укреплений, и только позднее стали использоваться для обозначения мирных реалий.

В паре *отсечи* — *отсек* основным значением глагола было «отрезать, отрубить, отсесть», производное имя *отсек* обозначало «огороженный участок леса» (например, в целях охоты). Пример из текста XVI в.: «*отсеков* не *отсекают*» [Словарь... 1975, вып. 14]. Приставка *от-*, имеющая значение «отделения», помогала выразить понятие об обособлении части пространства. Показательно, что одним из значений возвратного глагола *отсечися* было «защититься, окружив себя *осеком*» (значения слов *осек* и *отсек* были сближены): «и тут [в Дуброве] отсекился... тут от царя отсиделися» [Словарь... 1975, вып. 14].

В производных словах *осек*, *отсек*, *засека* были реализованы представления об использовании срубленных деревьев не только в оборонительных целях (преграда на пути врага, укрепление), но и в хозяйственно-бытовых (изгородь). «Производное слово, как структурно-семантическая единица языка, одной стороной обращено к производящей основе в разнообразных вариациях ее смыслового содержания, другой стороной — к синтагме, в пределах которой окончательно определяется семантическое наполнение слова» [Ерофеева 2011: 136].

Глагол *подсекати* означал практически то же, что и в наши дни, — «подсекать, подрубать, разрушать» [Словарь... 1975, вып. 16]. *Подсека* — это «вырубленное, расчищенное для пашни место в лесу; росчисть» [Словарь... 1975, вып. 16]. В толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова значение глагола *подсечь*, с пометами «спец.» и «устар.», разъяснено как «вырубить, чтобы очистить для пашни» [Ушаков 1935]. Именно это значение и было когда-то положено в основу отглагольного крестьянского слова *подсека*, например: «лес велел сечи, и деревню на той подсеки поставити», «и сжатой ржаной хлебъ въ поле и на подсеке въ кладяхъ» [Словарь... 1975, вып. 16]. Обратим внимание на то, что и в данном случае движение мысли идет в направлении «действие > результат действия > место действия»

(подсекать > подсека). «Существительные, образованные от «деструктивных глаголов», часто комбинируют или выражают синкретично значения результата и места действия» — пишет Ю. Д. Апресян [Апресян 1995: 197], приводя примеры типа *перелом*.

Известно, что глагол *подсекать* лег в основу имени прилагательного, используемого в составе термина *подсечное земледелие*. Так назывался примитивный способ, при котором земля для пашни расчищалась из-под леса и потом при истощении почвы снова запускала под лес [Ушаков 1935]. «Лес подсекали, палили, удобряли землю и снимали урожай, пока это было возможно, а потом уходили дальше» [Колесов 1986: 233]. Кроме того, использовались и другие словосочетания, например, *подсечная рожь* — «рожь, сжатая на подсеке (росчисти)» [Словарь... 1975, вып. 16]. В деловых текстах XVI в. фиксируется фамилия, соотносящаяся с глаголом *подсекать*: воронежский торговый человек Конша *Потсекин* [Памятники... 1990]. Учитывая закономерности образования русских фамилий, можно предположить, что существовало и наименование лица по его профессиональному занятию — *подсека*.

Итак, приставки *про-*, *за-*, *о-*, *от-*, *под-* и др., как элементы структуры языка, в словообразовательном гнезде «сечь» использовались для фиксиро-

вания направленности производимого орудийного действия, помогая сформировать представления о разных его видах. В речи (тексте) эти видовые значения могли нейтрализоваться, являя собой внутригнездовую синонимию: глаголы *сечь*, *отсечь*, *подсечь*, *ссечь* нередко используются в памятниках письменности недифференцированно, в общем значении «рубить». В то же время в большинстве контекстов их семантическая разница налицо, что отражается и в существовании предметных имен, называющих разные виды сооружений.

А. М. Плотникова в работе «Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов)» пишет о том, что в глаголах категориально-лексическая сема уточняется набором дифференциальных сем, которые, повторяясь в различных комбинациях в глаголах одной группы, образуют семантический комплекс [Плотникова 2005: 69]. В нашем случае это семантический комплекс представлений о разных видах работы топором, связанных с глаголом *сечь* в значении «рубить». Для русского языка, периода формирования его как национального, это в общих чертах можно отразить в следующей схеме (даны только основные значения, связанные с работой в лесу, с деревом):

сечь	высечь «вырубить»
	засечь «подрубить», «срубив, свалить»
	иссечь «изрубить»
	надсечь «надрубить»
	насечь «нанести зарубку», «нарубить»
	обсечь «обрубить со всех сторон», «вырубить»
	осечь «надрубить», «обрубить с боков»
	отсечь «отрубить»
	пересечь «вырубить», «перерубить»
	подсечь «подрубить снизу»
	посечь «срубить», «вырубить»
	просечь «прорубить насквозь»
	рассечь «разрубить надвое»
ссечь «срубить»	
усечь «срубив, отделить»	

Перед нами — *словообразовательная парадигма*, то есть набор производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на единой ступени деривации [Земская 1978: 71]. Ее члены находятся между собой в *парадигматических отношениях*: есть общая, идентифицирующая часть (производящая основа) и разные словообразовательные аффиксы — дифференцирующие компоненты членов парадигмы [Гейгер 1996: 16–17]. «Называние производным глаголом осуществляет более сложный акт референции, чем называние глаголом непроизводным» [Кубрякова 1978: 108–109].

Приведем наиболее показательные исторические контексты, в которых использовались перечисленные выше производные глаголы: «лес высекали», «лесом засекают», «изсечено на дрова», «насечь в лесе», «та сосна обсечена», «дуб плотав осечен», «от леса древо право отсечь», «лес пересеку», «доски пересекали на двое», «древо... подсекают», «всякого лесу посечено», «дуб ссечен», «усечь бревен» и др. Нередко разные единицы данного словообразова-

тельного гнезда бывают представленными в одном и том же документе, например: «...лесные угодыя той деревнишки все *обсек*, на всякой, государи, год для своей соляной вари из той нашей деревнишки *высекает дров* ста на три и больши... Соловецкой монастырь от того безмерно разоряетца... для той соляной вари по дрова бродим верст по штидесят и больши, потому, государи, что в Поморье которое место *на дрова лес посекут*, и в пятьсот лет студености для не выростет» [Архив... 2010: 75].

«В реальной действительности представлены самые разнообразные, сложные и подчас неожиданные связи. При необходимости, однако, все они могут быть описаны в языке. В этом процессе отражения действительности, а затем и ее наречения, явления, подлежащие обозначению, подводятся под тот или иной класс явлений, осмысляются в терминах существующей в данном языке лингвистической классификации. Частью такой классификации являются и устоявшиеся словообразовательные модели» — пишет Е. С. Кубрякова в своей книге «Типы язы-

ковых значений. Семантика производного слова» [Кубрякова 1981: 79].

Исходный глагол *сечь* в древнерусских и старорусских текстах удивляет нас, современных носителей русского языка, прежде всего, своей сочетаемостью с существительными *лес, деревья, бревна, дрова*. Сейчас мы говорим: лес *рубят, валят*, бревна *пилят, строгают*, дрова *рубят, заготавливают* и т. п. Глагол *сечь* практически утратил возможность сочетаться с названиями предметов из такого твердого и крепкого материала, как дерево. Но что было раньше? Обратимся к этимологии этого слова. М. Фасмер в статье «Сечь», помимо древнерусских и старославянских форм, приводит праславянский глагол **sekti* и латинское *sasena* «тесак жреца» [Фасмер 2009], что позволяет предположить индоевропейские корни глагола. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» указаны, в частности, следующие из наиболее старых значений глагола *сечи* (*сеши*): «убивать, уничтожать холодным оружием», «наносить удары, ранить холодным оружием», «рубить, рассекать, разделять на части», «срубить, рубить» (XIII–XVI вв.). В этих контекстах данный глагол сочетается с названиями разного вида оружия (а не орудий труда): *меч, сабля, секира, топор, бердыш*. Например: «секоша и мечи и саблями», «саблю секь и изьсекь до смерти», «секирами сецаху» [Словарь... 1975, вып. 24].

Судя по этим и другим фрагментам, изначальное значение глагола *сечь* в русском языке было связано не с хозяйственной деятельностью (рубкой дров), а с названием действия воина в бою с врагом. Интересно в этом отношении примечание В. В. Колесова, который пишет: если враги русских *бьют* (в значении «убивают»), то русские врагов *секут*. Например, в «Сказании о Мамаевом побоище»: «татар сеши» [Колесов 2004: 362]. *Сечь* — значит «истреблять, убивать холодным оружием»; «наносить удары холодным оружием» [Словарь... 1975, вып. 24]. С этим связаны и существительные, называющие сам процесс, — *сеча* и война, вооруженного мечом, — *сечица* [Словарь... 1975, вып. 24].

Семантика глагольного действия напрямую связана с мыслью об орудии (оружии) и объекте действия. Поэтому *сечь врагов* — это одно, а *сечь лес, деревья* — другое. В последних контекстах нет описания убийства, речь идет не о смерти, а о трудовой деятельности. Сравним: «саблю секь и изьсекь до смерти» [Словарь... 1975, вып. 24], «от врага посекается мечемь» [Словарь... 1975, вып. 17] — но «приде посети древо с двема секирами» [Словарь... 1975, вып. 24], «через межу лес сечет» [Памятники... 1977: 15], «дрова сеч по лескам» [Памятники... 1977: 25]. Хотя в целом упоминание орудия / оружия представлено, по нашим наблюдениям, намного реже по сравнению с указанием на объект сечения.

Разница в названии субъектов действия в двух разных сферах также отражает несовпадающие мотивы и цели самого действия: воин — *сечец*, мирный работник — *древосечец, дровосек*. Два последних названия были «вписаны» в сложившуюся систему наименований деятелей, работающих на заготовке дров: *дровосек* и *древосечец* — тот, кто рубит

(сечет) дрова, *дровоносец, древонос, древоносец* — тот, кто их носит, *дроволок* — рабочий по перетаскиванию дров волоком, *дрововоз* — возчик дров [Шейдаева 2016].

Когда действие переносится с поля битвы в лес и оружие заменяется орудием, меняется вся обстановка описываемого события. Глаголы *ссечь, рассечь, подсечь* и др. соотносятся уже с иными образами действительности, и цель действия иная — не только разрушение, но и созидание. Сравним: «сътворят сечю велику и страшну межу собою, посекутся другь друга на части» [Словарь... 1975, вып. 17: 165], «а люди посече, а иные в полон поведе» [Словарь... 1975, вып. 17: 164] — но «посеки того древа старого ветвие» [Словарь... 1975, вып. 17: 165], «просечена сквозь весь Тепленской большой лесъ проезжая дорога» [Словарь... 1975, вып. 20], «изсекь на поваренные дрова» [Словарь... 1975, вып. 24, в ст. «рассечка»].

Военное по своему происхождению слово *сеча* («сътворят сечю велику и страшну») в крестьянском быту также используется, но это либо название процесса рубки деревьев на дрова («...за дровяную сечю» [Словарь... 1975, ст. «сеча»]), либо «расчищенное от леса место; вырубка, росчисть (под пашню)» («...на сечах сено косим» [Словарь... 1975, ст. «сеча»]), «позад Колининых сеч» [Памятники... 1978: 17].

В рассматриваемый период устойчиво используются такие сочетания, как *лес сечь, дрова сечь*, но отдельного, независимого употребления этого глагола не наблюдаем. Возможно, это является последствием его переноса из одной сферы общения в другую (из военного дискурса в бытовую). В новом речемыслительном контексте слово неизбежно должно уточняться соседними словами, которые как бы «наводят» его на нужное понятие. В данном случае обнаруживаем постоянные уточнения при глаголе: что секут? «*бревна секут*» [Словарь... 1975, вып. 5: 181], «и Филипова кря не секал» (1555) [Памятники... 1978: 35], где *корь* (кърь, корь) — «небольшой лес, кустарник, выросший на месте выкорчеванного леса» [Словарь... 1975, вып. 7], «лесъ хоромной и дрова сеч» (1613) [Памятники... 1977: 36], «харомной лесъ сечь и лыка драт» (1640) [Памятники... 1977: 56], «лес харомнай и дровеной сечь в Суковкином лесу» (1636) [Памятники... 1977: 154]. Интересно, что в последнем южнорусском памятнике («Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги» [Памятники... 1977]) через прилагательное косвенно обозначается цель труда (строительство «хором» или заготовка дров), а глагол *рубить* вообще не фиксируется в данных текстах.

Подведем итог. Словообразовательное гнездо «Сечь» — это всего лишь островок в историческом пространстве русского языка. Мы рассмотрели некоторую его часть, сосредоточив внимание на выражении представлений о физических действиях, связанных с понятием «рубить», в двух сферах русской речевой коммуникации — военной и хозяйственно-бытовой. Оказалось, что слова, образованные в первой из них, были рано востребованы во второй сфере. Легкость такого перехода названий физических действий может быть объяснена, в

частности, тем, что заимствовались целые синтагмы «название действия + название оружия / орудия». Оружие в мирных условиях легко ставилось орудием: топор *боевой* становился *лесосечным*, боевая секира — орудием *дровосека*. Интересно в этом отношении производное наречие *посекир* в значении «пропорционально доле участия в вырубке леса», например: «пашут посекирь, кроме поль и пустошей все посекирь» (1653) [Словарь... 1975, вып. 17].

Базовое действие в обеих жизненных сферах, в общем-то, одно и то же — «рубить» («разрубить», «перерубить» и др.). Разными являются лишь объекты: одушевленные и неодушевленные. Это последнее обстоятельство отразилось, в частности, на появлении десятка отглагольных имен со значениями результата и места действия в деловых памятниках. Если в военных контекстах находим лишь одно такое существительное от производного глагола *сечь* > *сеча*, в основном в значении действия, процесса, то в деловых текстах XVI–XVII вв. массово появляются отглагольные имена от префиксальных глаголов (*засека*, *осек*, *отсек*, *подсека*, *просека* и др.). Сами эти глаголы использовались и в сфере военной тематики, но в их семантике не было соотносительности с каким-либо продуктом названного действия, все внимание сосредоточивалось на самом действии. В памятниках же делового характера «продукт» — это, наоборот, самое главное, то, ради чего действие совершалось. В бытовой сфере для семантики глагола *сечь* и его производных важным становится созидательный аспект, при этом каждое префиксальное производное отражает не только новый ракурс действия «рубить», но и его иную цель. Слова *просека*, *пасека*, *засека*, как *отсек*, *осек* и пр., появились именно из необходимости обозначить цель и продукт труда. Рождались они, как и слово *сеча*, в актах номинализации (переход от действия к опредмеченному действию), но затем легко приспособивались для именованья результата труда, в том числе по созданию пространственного объекта.

О. Н. Трубачёв писал о том, что «лексическая семантика связана тесной, хотя и своеобразной связью со словообразованием, а словообразование в своей сущности исторично» [Трубачев 1976: 154]. История слов *просека*, *пасека*, *засека* — подтверждение тому.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. — М.: Наука, 1984.

Акты писцового дела (1644–1661 гг.). — М.: Наука, 1977.

Акты писцового дела. — М., 1917. — Т. 2. — Вып. 1.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. — М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. — Т. 1. Лексическая семантика.

Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. — М.; СПб., 2010. — Т. 3 (1658–1678 гг.)

Гак В. Г. Языковые преобразования. — М., 1998.

Гейгер Р. М. Проблемы анализа словообразовательной структуры и семантики в синхронии и диахронии. — Омск: Омский госуд. ун-т, 1996.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1991–1993. — Т. 1–4.

Ерофеева И. В. Синтагматический и парадигматический аспекты исследования словообразовательной системы древнерусского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. — Владимир: ВГУ, 2011. — С. 135–138.

Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. — М.: Наука, 1970.

Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. — М., 1978. — С. 63–77.

Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. — М., 1982.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.

Колесов В. В. Слово и дело: Из истории русских слов. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.

Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVII в. — М.: Наука, 1984.

Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. — М.: Наука, 1978.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М., 1981.

Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: У истоков российской промышленной политики. — М.: Древлехранилище, 2005.

Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. — М.: Русский язык, 2000.

Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край / под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1978.

Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1982.

Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI — начало XVII в. / под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1990.

Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1977.

Первак В. Б., Пчелов Е. В., Сухарев Ю. В. Князь и княгиня Русской земли IX–XVI вв. — М.: ТИД «Русское слово – РС», 2002.

Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на мат-ле рус. глаголов): учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

Пчеловодство // Энциклопедический словарь / издателя Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1901. — Т. 50. — С. 865–873.

Русско-китайские отношения в XVIII в. — М.: Наука, 1978. — Т. 1. 1700–1725.

Словарь русского языка XI–XVII вв. — М.: Наука, 1975–1991. — Вып. 1–23.

Толстой И. Л. Мои воспоминания. — М.: Художественная литература, 1969.

Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. — М.: Наука, 1976. — С. 147–179.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. — М., 1935–1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — Т. 1.

Федорова В. В. Судьба именной приставки ПА- в русском языке // Эволюция и предистория русского языкового строя: межвуз. сб. — Горький: Изд-во ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1981. — С. 80–85.

Шейдаева С. Г. Основы ономаσιологии. Теория номинации. Коммуникативный и когнитивный аспекты номинативной деятельности: учеб.-метод. пособие. — Ижевск, 2007.

Шейдаева С. Г. Когнитивные основания русских профессиональных фамилий (лексика деревообработки) //

Вестник Удмуртского университета. История и филология. — 2016. — Т. 25. — Вып. 2. — С. 88–100.

Шкловский В. Лев Толстой. — М.: Молодая гвардия, 1963.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. — М.: Просвещение, 1964.

REFERENCES

Azarkh Yu. S. Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka. — М.: Nauka, 1984.

Akty pistsovogo dela (1644–1661 gg.). — М.: Nauka, 1977.

Akty pistsovogo dela. — М., 1917. — Т. 2. — Vyp. 1.

Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy. — М.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995. — Т. 1. Leksicheskaya semantika.

Arkhiv gostey Pankrat'evykh XVII — nachala XVIII v. — М.; SPb., 2010. — Т. 3 (1658–1678 gg.)

Gak V. G. Yazykovye preobrazovaniya. — М., 1998.

Geyger R. M. Problemy analiza slovoobrazovatel'noy struktury i semantiki v sinkhronii i diakhronii. — Omsk: Omskiy gosud. un-t, 1996.

Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. — М., 1991–1993. — Т. 1–4.

Erofeeva I. V. Sintagmicheskiy i paradigmicheskiy aspekty issledovaniya slovoobrazovatel'noy sistemy drevne-russkogo yazyka // Yazykovye kategorii i edinitsy: sintagmicheskiy aspekt. — Vladimir: VGGU, 2011. — S. 135–138.

Zaozerskaya E. I. U istokov krupnogo proizvodstva v russkoy promyshlennosti XVI–XVII vekov. K voprosu o genezise kapitalizma v Rossii. — М.: Nauka, 1970.

Zemskaya E. A. O paradigmicheskikh otnosheniyakh v slovoobrazovanii // Russkiy yazyk: Voprosy ego istorii i sovremennogo sostoyaniya. — М., 1978. — S. 63–77.

Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfolo-giya. Glagol. — М., 1982.

Kolesov V. V. Mir cheloveka v slove Drevney Rusi. — Л.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986.

Kolesov V. V. Slovo i delo: Iz istorii russkikh slov. — SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004.

Kopanev A. I. Krest'yanstvo Russkogo Severa v XVII v. — М.: Nauka, 1984.

Kubryakova E. S. Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii. — М.: Nauka, 1978.

Kubryakova E. S. Tipy yazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova. — М., 1981.

Kurlaev E. A., Man'kova I. L. Osvoenie rudnykh mestorozhdeniy Urala i Sibiri v XVII v.: U istokov rossiyskoy promyshlennoy politiki. — М.: Drevlekhranilishche, 2005.

Lopatin V. V., Lopatina L. E. Russkiy tolkovyy slovar'. — М.: Russkiy yazyk, 2000.

Pamyatniki russkoy pis'mennosti XV–XVI vv. Ryazan-skiy kray / pod red. S. I. Kotkova. — М.: Nauka, 1978.

Pamyatniki yuzhnovelikoruskogo narechiya. Tamozhennye knigi / pod red. S. I. Kotkova. — М.: Nauka, 1982.

Pamyatniki yuzhnovelikoruskogo narechiya. Konets XVI — nachalo XVII v. / pod red. S. I. Kotkova. — М.: Nauka, 1990.

Pamyatniki yuzhnovelikoruskogo narechiya. Otkaznye knigi / pod red. S. I. Kotkova. — М.: Nauka, 1977.

Perkhavko V. B., Pchelov E. V., Sukharev Yu. V. Knyaz'ya i knyagini Russkoy zemli IX–XVI vv. — М.: TID «Russkoe slovo – RS», 2002.

Plotnikova A. M. Kognitivnye aspekty izucheniya semantiki (na mat-le rus. glagolov): ucheb. posobie. — Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005.

Pchelovodstvo // Entsiklopedicheskiy slovar' / izdateli F. A. Brokgauz, I. A. Efron. — SPb., 1901. — Т. 50. — S. 865–873.

Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII v. — М.: Nauka, 1978. — Т. 1. 1700–1725.

Slovar' russkogo yazyka KhI–KhVII vv. — М.: Nauka, 1975–1991. — Vyp. 1–23.

Tolstoy I. L. Moi vospominaniya. — М.: Khudozhestvennaya literatura, 1969.

Trubachev O. N. Etimologicheskie issledovaniya i leksicheskaya semantika // Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy. — М.: Nauka, 1976. — S. 147–179.

Ushakov D. N. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. — М., 1935–1940.

Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. — М.: AST: Astrel', 2009. — Т. 1.

Fedorova V. V. Sud'ba imennoy pristavki PA- v russkom yazyke // Evolyutsiya i predystoriya russkogo yazykovogo stroya: mezhvuz. sb. — Gor'kiy: Izd-vo GGU im. N. I. Lobachevskogo, 1981. — S. 80–85.

Sheydaeva S. G. Osnovy onomasiologii. Teoriya nominatsii. Kommunikativnyy i kognitivnyy aspekty nominativnoy deyatel'nosti: ucheb.-metod. posobie. — Izhevsk, 2007.

Sheydaeva S. G. Kognitivnye osnovaniya russkikh professional'nykh familiy (leksika derevoobrabotki) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya. — 2016. — Т. 25. — Vyp. 2. — S. 88–100.

Shklovskiy V. Lev Tolstoy. — М.: Molodaya gvardiya, 1963.

Shmelev D. N. Ocherki po semasiologii russkogo yazyka. — М.: Prosveshchenie, 1964.

Информация об авторе

Светлана Григорьевна Шейдаева — доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (Ижевск).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2).

E-mail: Sheidaeva@mail.ru.

About the author

Svetlana Grigorievna Sheidaeva — Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University (Izhevsk).